Северус автоматически начал просыпаться в шесть утра, поскольку это был его обычный распорядок дня. Вся комната по-прежнему была погружена в темноту. Северус почувствовал, как заныло сердце, когда он вспомнил свой сон. Он был настолько реален, что ему захотелось остаться в этом сне. К сожалению, путешествия во времени были невозможны; если бы он мог, он бы сделал это в одно мгновение и спас Лили и Гарри от их судеб. Его жизнь не имела смысла; он жил только для того, чтобы Гарри победил Волдеморта, чтобы последняя частичка Лили выжила. Это было то, чего бы она хотела; по его вине она умерла, и это было его наказанием. Неважно, что часть его души ненавидела Гарри по той единственной причине, что он был сыном Джеймса Поттера; ребенок все еще принадлежал Лили, и он был полон решимости увидеть, как он будет жить дальше. Теперь эта клятва была бесполезна: Гарри больше нет. Северус сел и понял, что в его теле нет тех постоянных болей и ломоты, с которыми он мирился годами. Странно, но у него также не было похмелья; учитывая количество выпитого вчера, оно должно было бы быть. Он даже не мог вспомнить, как ложился спать. Он надеялся, что Люпин и Блэк все еще не в его каюте; он не доверял им, что они не будут рыться в его личных вещах.

Передвигаясь по кровати, он замер, когда его рука встретила теплую ногу; его дыхание сбилось. Его руки слепо исследовали комок; дыхание участилось, и он сглотнул. В конце концов, это был не сон; он действительно вернулся в прошлое. Вскочив с кровати, он стал искать свою палочку, недоумевая, куда же он ее положил. Он зашипел, ударившись ногой о что-то деревянное. Найдя в луже свою одежду, он понял, что это его учебная мантия, так как она была такой толстой и прочной, совсем не удобной.

Нащупав карман, он вытащил палочку, затем прошептал "Люмос", позволив лишь маленькой соринке света появиться на кончике его совершенно новой палочки. Северус не мог не вспомнить, что она была новой. Она была такого же размера, как и его старая, но он чувствовал разницу. Он не мог не задаться вопросом, почему его старая палочка отказалась работать; может быть, это как-то связано с тем, что сейчас ею пользуется его другое, более молодое "я"? Это был единственный правдоподобный сценарий, который он мог придумать.

Оглядев комнату, он увидел, что в ней нет ничего, кроме кровати. Жаль, что он не мог просто перевезти вещи из Хогвартса или Спиннерс-Энда. Он не мог трогать ничего, что могло бы повлиять на хронологию, а значит, не мог даже сообщить Минерве о том, что происходит. Она бы пережила боль, узнав, что Гарри мертв. Глубоко вздохнув, он признал, что ей придётся терпеть эту боль всего два дня; он поклялся, что раскроет себя и Гарри, как только его второе "я" воспользуется устройством времени в Гринготтсе, что произойдёт на следующий день после похорон Гарри, точнее, похорон голема. Он спас Гарри, и это было сейчас самым важным, хотя он чувствовал себя очень виноватым за то, что оставил Блэка гнить. Взяв в руки мантию, он понял, что ее не видно. Не многие волшебники предпочитали ходить в таких мантиях, как он, и он не мог рисковать, что его примут за Северуса Снейпа этого времени. Он трансфигурировал их в пару облегающих брюк и белый топ. Этого будет достаточно, пока он не купит себе новую одежду.

Взглянув на Гарри, он увидел, что ребенок все еще крепко спит, что, вероятно, было хорошо. Сон поможет ему поправиться... ну, и зелья, конечно. Он не мог оставаться здесь, в Англии, все время с ним; ему нужно было уехать куда-нибудь еще, туда, где Гарри не знали, или, по крайней мере, не слишком знали; нужно было жить под скалой, чтобы не слышать о нем. Ему нужно было сделать прививки, а для этого нужно было посетить целителей. К сожалению,

сначала его нужно было вылечить; больным детям ни в коем случае нельзя давать ничего подобного.

Он осторожно вышел из комнаты, стараясь ступать как можно тише, не желая разбудить Гарри. Осмотрев дом, он обнаружил, что за пределами спальни все ярко освещено. В доме было семь разных дверей, все из которых Северус решил исследовать. Шесть из них были спальнями; седьмой оказалась большая ванная комната, в которой он был прошлой ночью. Все спальни, кроме той, которую он занимал, были абсолютно пусты; даже ковер не украшал их полы. В спальне был люк - видимо, в доме был чердак, - но без лестницы он не мог подняться, не прибегая к аппарации. Он не собирался вслепую лезть на чердак; он не хотел рисковать провалиться через него в спальню. Он не был несокрушим, даже если ему снова исполнилось восемнадцать лет. Он очень сомневался, что чердак был переоборудован под жилое помещение, так что его было бы удобно иметь, если бы дому требовалось дополнительное место для хранения. Однако, учитывая количество комнат, он знал, что это не понадобится.

На первом этаже он обнаружил еще несколько пустых комнат, а также туалет и душ. Одна комната могла бы сойти за кабинет или небольшую библиотеку; в конце концов, ему нужны были книги. Мысль о покупке книг, которые, как он знал, уже были у другого Северуса, слегка раздражала, но, как говорится, нужда заставляет. У него было достаточно галеонов, так что он не собирался разоряться.

Гостиная была большой, отчего комната казалась убогой. Она была практически пуста, в ней стояли только диван и торшер, и ему нужно было разместить в ней еще какие-нибудь вещи. Это казалось странным, поскольку в его гостиной в Спиннерс-Энде было всего на несколько вещей больше, чем в этой, и она была тесной.

Зайдя на кухню, он ахнул. По сравнению с остальными комнатами эта выглядела обжитой. Большой остров в центре кухни был завален продуктами, все они были домашнего консервирования и упакованы в банки. Здесь были соленья, оливки, ананасы, груши, вишни и другие фрукты. Затем стояла посуда, наполненная мясом: курицей, фаршем и говядиной. На прилавке остывал свежеиспеченный хлеб, и было все, что нужно для кухни, включая старую печь для выпечки хлеба и пиццы, набор больших ножей, кастрюль и сковородок, тарелок, столовых приборов... все девять предметов.

http://tl.rulate.ru/book/90599/2912066